

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-2-184-187

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

УДК 821.161.1

Дата поступления: 08.02.2022
рецензирования: 23.03.2022
принятия: 28.05.2022

«Посеешь ветер – пожнешь бурю». Рецензия на книгу: Harrison L. Language and Metaphors of the Russian Revolution: Sow the Wind, Reap the Storm. Lanham: Lexington Books, 2020. 270 p.

И.К. Богомолов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: bogomolov@inion.ru. Researcher ID: AAI-8746-2020. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>

Аннотация: Рецензируется монография американского исследователя Лонни Харрисона о «языке» и метафорах российской революции. В целом книга представляет собой скорее развернутое эссе по истории русской литературы XVIII–XX в., собственно метафорам и «языку» в ней уделено не так много внимания, как хотелось бы. Тем не менее автору удалось цельное исследование, раскрывающее для зарубежного читателя различные малоизвестные сюжеты из жизни и творчества русских писателей дореволюционной и советской эпох.

Ключевые слова. Революция 1917 г.; А.С. Пушкин; А.И. Герцен; А.А. Блок; М.А. Булгаков; М.А. Шолохов; Б.Л. Пастернак.

Цитирование. Богомолов И.К. «Посеешь ветер – пожнешь бурю». Рецензия на книгу: Harrison L. Language and Metaphors of the Russian Revolution: Sow the Wind, Reap the Storm. Lanham: Lexington Books, 2020. 270 p. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 184–187. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-184-187>.

© Богомолов И.К., 2022

Игорь Константинович Богомолов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, 117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, 51/21.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 08.02.2022
Revised: 23.03.2022
Accepted: 28.05.2022

«Sow the Wind, Reap the Storm». Review of the book: Harrison L. Language and Metaphors of the Russian Revolution: Sow the Wind, Reap the Storm. Lanham: Lexington Books, 2020. 270 p.

I.K. Bogomolov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
E-mail: bogomolov@inion.ru. Researcher ID: AAI-8746-2020. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>

Abstract: The monograph by American researcher Lonny Harrison tells about the «language» and metaphors of the Russian revolution. In general, the book is rather a detailed essay on the history of Russian literature of the XVIII–XX centuries, actually metaphors and «language» are not given as much attention as we would like. Nevertheless, the author has written a complete study revealing to the foreign reader various little-known stories from the life and work of Russian writers of the pre-revolutionary and Soviet eras.

Key words: Russian Revolution; A.S. Pushkin; A.I. Herzen; A.A. Blok; M.A. Bulgakov; M.A. Sholokhov; B.L. Pasternak.

Citation. Bogomolov I.K. «If you sow the wind, you will reap the storm». Review of the boook: Harrison L. Language and Metaphors of the Russian Revolution: Sow the Wind, Reap the Storm. Lanham: Lexington Books, 2020. 270 p. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 184–187. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-184-187>. (In Russ.)

Conflict of interest information: the author declares no conflict of interest.

© Bogomolov I.K., 2022

Igor K. Bogomolov – Candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 15/21, Nakhimovsky ave., Moscow, 11748, Russian Federation.

Введение

Наблюдаемая в последние десятилетия тенденция к расширению хронологических рамок Российской революции затронула исследования не только по истории, но и по социологии, филологии, политологии [Smith 2017; Steinberg 2017]. Казалось бы, для филологии и литературоведения эта тенденция вполне логична и даже органична, ведь развитие русской литературы в контексте революционных потрясений начала XX в., сам «язык революции» изначально не умещались в рамки только лишь 1917 г. Нельзя, однако, сказать, что столетие революции вызвало за рубежом сколь-нибудь заметный всплеск интереса к этой проблематике. Довольно редкий и примечательный пример – монография Лонни Харрисона, профессора департамента современных языков Техасского университета в Арлингтоне. Ставя в центр повествования «язык и метафоры русской революции», автор осознает сложность, «энциклопедичность» такой задачи и сосредотачивает внимание на «метафорах бури и урожая», тропах посева и жатвы и «аналогичных литературных представлениях о революционном движении в России» (с. 8).

Основная часть

Книга состоит из двух частей, разбивающих ее на периоды «до» и «после» российской революции. Часть I – «Посеешь ветер» – содержит «краткую историю революционных идей, языка и символизма в России», выдвигая на первый план ключевые произведения литературы и наиболее заметные интеллектуальные течения (с. 11). Нужно отметить, что Харрисон начинает повествование с восстания декабристов, полагая, что революционная мысль в русской литературе берет свое начало именно в событиях 1825 г. В XIX в. искусство и литература стали «форумом для поиска русской национальной идентичности и решения многих ее социальных и политических дилемм» (с. 12). Анализируется целый спектр динамических метафор в области экстремальных погодных явлений и катаклизмов, прежде всего – наводнение. Часто использовались такие образы, как «океаны крови или моря людей, и представляет собой возмездие за обиды, причиненные русскому народу» (с. 24). Наиболее известный пример – наводнение в пушкинском «Медном всаднике». Разливающаяся Нева – неподвластная человеку стихия, сила, для которой не важен социальный статус и материальное положение. Ожидание этого «очищающего потопа» всегда соседствовало со страхом перед ним. В середине XIX в. образ революции как неизбежного наводнения приобретает популярность и

в консервативных кругах. К примеру, Ф.И. Тютчев, размышляя о революциях в Европе 1848 г., полагал, что Российская империя – это «ковчег, который переживет наводнение революции, чтобы построить новое общество на руинах старого мира» (с. 26).

Прогрессивные идеи, которые в «европейском климате плюрализма и здорового скептицизма» были вынуждены конкурировать с другими доктринами и взглядами, в России, где цензура запрещала политическое самовыражение, застыли в абстрактных догмах. Склонная к «эгоцентричному, героическому фанатизму», радикальная интеллигенция «верила, что судьба человечества зависит от исхода их доктринальной борьбы» (с. 45). Во многом поэтому описание в русской литературе социальных катаклизмов тесно увязывалось с природными ненастями, неизбежными и неподвластными. Харрисон в связи с этим отмечает «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором не раз встречается метафора потока народного гнева. В «Проекте о будущем» Хотилова есть такие строки: «Загрубелые все чувства рабов, и благим свободой мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувство. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противостояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможно»¹. Фатализм при оценке будущих «бурь» проявляли и писатели XIX в. А.И. Герцен, на творчестве которого Харрисон также подробно останавливается, отвергал мнение о том, что история идет predetermined курсом к некой будущей утопии. Он определял прогресс как огромное, бурное море, по которому «безжалостно швыряло маленькое суденышко (человечество)» (с. 28). Метафоры шторма продолжали подпитывать динамичный «язык» растущего революционного движения в России начала XX в. Здесь автор, конечно, не мог обойти вниманием стихотворение А.М. Горького «Песня о буревестнике» – птице, которой «хватило смелости возвещать о надвигающейся буре». Этот образ, прочно ассоциировавшийся с Горьким в советское время, стал также и «символом дооктябрьской революционной борьбы и лозунгом революционного подполья» (с. 29). Однако, как верно замечает Харрисон, предупреждения о надвигающейся «буре» высказывали и многие другие литераторы, например А.А. Блок.

В том, что общество не готовится к грядущим ненастям, писатели самых разных политических

¹ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Москва, 1981. С. 116.

взглядов неизменно винили интеллигенцию. Харрисон отмечает, что для нее «самый прямой и важный путь к достижению благосостояния народа» – это борьба, уничтожение врагов и старых социальных форм. В революционной традиции это была «манихейская борьба между добром и злом». Революционное подполье создало целый репертуар карикатур, стихов и песен, основу для новой массовой культуры, в которой враг изображался как «морально развращенный, эстетически мерзкий и гигиенически отвратительный». Демонические и зоологические образы служили оправданию применения насилия и террора. Неудивительно, что язык классового конфликта «доминировал в российском революционном дискурсе до 1917 г.» и напрямую влиял на литературу (с. 119).

Часть II посвящена метафорам и «языку» 1917 года и первых послереволюционных десятилетий. Харрисон отмечает, что большевики были опытными пропагандистами, которые вкладывали огромные ресурсы в контроль над общественными настроениями. После захвата власти они начали влиять на «названия, ярлыки и концепции повседневной жизни», создав в итоге «мастерское повествование о революции и получив контроль над ее смыслом» (с. 129). В этом помогла предрасположенность русской культуры наделять слова и образы священной силой. Визуальные образы и ритуалы занимали центральное место в русской традиции, особенно с учетом того, что большинство населения было неграмотным. В новом советском обществе слова и образы приобрели не только выразительную силу, у них была возможность создавать и изменять реальность. Со временем советский агитпроп становился все более изощренным, но так и не достиг уровня, который «мог бы воплотить идеалы утопической жизни, к которым стремились поколения революционных мечтателей». Его недостатком было неизменное и упорное эксплуатирование «бинарного, манихейского мышления революционного этоса... Застенчивая ирония никогда не была частью его дискурсивного поля». Четко обозначена противоположающаяся сторона, «даже если ярлыки были нанесены случайно, а “классовые враги” – капиталисты, духовенство, интеллигенция и, главным образом, буржуазия – нарисованы широкими мазками» (с. 142).

Отвлекаясь на культурно-исторические корни советской идеологии, Харрисон в последних трех главах возвращается к метафорам революции в русской литературе 1920-1930-х гг. Она наполнена метафорами наводнения («Железный потоп» А.С. Серафимовича) и урожая («Тихий Дон» М.А. Шолохова). При анализе «Белой гвардии»

М.А. Булгакова автор особое внимание уделяет снегу – постоянному мотиву русской литературы. Часто он является «предвестником, сигналом о каком-то надвигающемся действии, скрытой тайной, намеком на какое-то предательство, мятеж или восстание» (с. 152). Булгаков придавал первостепенное значение погоде. Слякотный, мокрый снег у него часто является «препятствием для прогресса», внезапное появление снежинок «может сигнализировать об изменениях», а бушующая метель «ассоциируется с неуправляемой, разрушительной силой революции и хаоса» (с. 155). Образ особой риторической силы у Булгакова – черный снег, предвестник войны, боли, потерь, уязвимости и неопределенности в будущем. Смерть матери главных героев в начале романа сопровождалась сильным снегопадом. Точно так же «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака начинается со снежной бури в ночь после похорон матери главного героя. Смерть матери в обоих случаях символизирует «гибель родительской культуры вместе с ее традициями и исторической памятью» (с. 158–159).

«Доктора Живаго» Харрисон рассматривает как «современную русскую эпопею», которая восстанавливает повествование о жизни человека «среди хаоса революционных перемен, исследование стойкости характера во время потрясений» (с. 13). Главные метафоры романа – шторм и наводнение – представляют собой приливы и отливы жизни и судьбы. Наиболее яркие органические метафоры использованы в описании покинутых деревень, заброшенных и наводненных мышами полей, необрушенных посевов. Единственным процветающим элементом является лес, освобожденный от вмешательства человека. В конце романа основное внимание уделяется городу, изменившемуся до неузнаваемости. В своих размышлениях и стихах Юрий Живаго создает ощущение, что он не участник жизни за окном, а всего лишь наблюдатель. Но оказалось, что этот город «должен стать не началом его собственной жизни, а ее эпилогом» (с. 224).

Заключение

В целом можно сказать, что монография Л. Харрисона представляет собой развернутое эссе о русской литературе конца XVIII – середины XX в. Исходно цели исследования (указанные почему-то в заключении) были шире, чем заявленная тема. Автор немалое внимание уделил взаимоотношениям писателей и власти, идеологическому прессу и цензуре, увязывая эти проблемы с современностью – временем, когда «ретроградные силы авторитарного контроля всегда представляют явную

и реальную опасность для выживания западной демократии» (с. 232). На этом фоне собственно анализ метафор и «языка» занимает не так много места, как хотелось бы. Автор слишком часто сбивается на историческое повествование, подробно описывая события, которые в общем мало соотносятся с заявленной темой. Попытку совместить

эти обширные и сложные проблематики нельзя назвать успешной: историк и филолог вряд ли найдут в ней принципиально новые сюжеты и выводы. Тем не менее книга представляет несомненный интерес как попытка синтеза исторического и филологического анализа Российской революции 1917 г.

Библиографический список

Smith S.A. *Russia in Revolution: an Empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford, 2017. 448 p.

Steinberg M.D. *The Russian Revolution, 1905–1921*. Oxford, 2017. 400 p.

References

Smith S.A. (2017) *Russia in Revolution: an Empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford: Oxford University Press, 448 p.

Steinberg M.D. (2017) *The Russian Revolution, 1905–1921*. Oxford: Oxford University Press, 400 p.